

СПЕЦИФИКА ОНТОЛОГИЧЕСКОГО ПОВОРОТА В ИССЛЕДОВАНИИ ИДЕОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА*

Н.П. Лукина

В статье предпринят анализ оснований и специфики современных методологических тенденций исследования идеологии. Автор фиксирует факт методологической перспективности онтологического поворота в теории идеологии и выявляет возможности применения онтологического подхода к анализу идеологии информационного общества. Онтологический подход позволяет рассматривать идеологию как специфический механизм социального воспроизводства основных характеристик информационного общества.

SPESIFIC FEATURES OF THE ONTOLOGICAL TURN IN RESEARCHING IDEOLOGY OF INFORMATIONAL SOCIETY

N.P. Lukina

In this article there was made the analysis of foundation and specific features of modern methodological trends in researching the ideology. The author points out the fact of methodological prospectivity of ontological turn in ideological theory and clarify the possibility of implying ontological approach in analysis of ideology of informational society. Ontological approach allows considering ideology as specific mechanism of social reproduction of main characteristics of informational society.

На современном этапе развития информационного общества, становление которого идет неравномерно и противоречиво, отчетливо ощущается потребность в формулировании общей идеологии, дающей связный образ этого типа социальной реальности, путей и целей ее развития, понимания и легитимизации неоднозначных социальных процессов, детерминированных компьютеризацией и информатизацией.

Проблема состоит в том, что попытки моделирования идеологии в кардинально изменившемся обществе не могут быть замкнуты на методологические средства, философские ориентиры, социальные модели,

* Исследование выполняется при поддержке фонда РФФИ, проект № 05-06-80425а

стереотипы старого образца, поскольку в этом случае неизбежно возникает конфликт между моделью и реальностью.

Основная цель исследования – дать понимание того, какие методологические тенденции в изучении идеологических процессов прослеживаются в современных идеологических концепциях и доктринах, и показать, под воздействием каких методологических представлений конституируется идеология информационного общества.

Предлагаемое исследование ориентировано на обоснование онтологического поворота в теории идеологии, которое не смещалось бы в область политических технологий и не сводилось бы к гносеологической традиции рассмотрения идеологии в качестве «ложной» формы коллективного сознания.

Исследовательский проект нацелен на аналитику идеологии как специфической социальной структуры, выполняющей ряд ключевых функций в процессе воспроизводства общества, в нашем случае – общества информационного.

Онтологический подход позволяет описать и специфицировать идеологию в качестве схемы и структуры социального воспроизводства, ответственного за социальные характеристики информационного общества.

Идеология есть социально значимая и теоретически оформленная система идей, которая призвана объяснить, закрепить или изменить общественные отношения в соответствии с интересами тех или иных социальных групп и слоев. Преодоление негативного отношения к идеологии, у которого есть свои исторические и политические причины, предполагает отказ от умозрительных, спекулятивных конструкций, оторванных от действительности, и поиск фундаментальных методологических оснований изучения идеологии в контексте становления и развития информационного общества, отражающего направленность современного мирового общеисторического процесса, глобального цивилизационного порядка.

Методология исследования идеологических процессов информационного общества представляет собой составную часть и специфическую междисциплинарную область социально-философского познания, включающую элементы исторических, культурологических, экономических, политологических знаний.

Эта методология имеет своим содержанием набор принципов и способов организации, развития и оценки теоретических взглядов и представлений об основах устройства информационного общества как нового типа социальной реальности, его исторических истоках и приоритетах развития. Сюда входит изучение механизмов функционирования

общественного сознания, системы норм, регулятивов, идеалов, мировоззренческих ценностей.

Стереотипные методологические приемы, находящиеся в активе социогуманитарного познания, блокируют продуктивное рассмотрение ряда ключевых для современной социальной философии понятий, в том числе – идеологии, которая до настоящего времени описывается, по преимуществу, в рамках гносеологического, эпистемологического подхода. Его суть заключается в редукции сущности и функций идеологии к вопросу об ее истинности, что формирует две противоположные стратегии исследования идеологии, равно как и две установки социальной политики: деидеологизацию («конец идеологии», артикулированный неоднократно в социально-философском и политологическом дискурсе) или поиск и продвижение «правильной», единственно верной идеологии.

В современной литературе, отечественной и зарубежной, посвященной проблемам идеологии, зафиксирован факт онтологического поворота в теории идеологии как методологически более перспективного. Речь идет об оригинальных концепциях Д.Томпсона, С.Жижека, Т.Иглтона, Э.Лаклау, М.Селиджера, П.Слотердайка, обогативших социально-философский дискурс новым пониманием феномена идеологии.

В российских теориях идеологии К.Гаджиева, М.Ильина, В. Кемерова, Ю. Качанова, И. Косолапова, А. Логинова, Э. Мирского, В. Пастухова, В.Федотовой и др. доминирует мысль о том, что необходимо изменить методологические приемы работы с идеологиями, одновременно затрагивая значительные пласты социальной онтологии.

Для решения поставленной задачи могут быть использованы элементы структурно-функциональной методологии, теория структуризации Э. Гидденса, теории социального воспроизводства Ю. Хабермаса, концепция морфогенеза культуры М. Арчер, концепция социальной топологии П. Бурдьё и семиотическая концепция идеологии М.Бахтина, теория аутопойезиса Н. Лумана. Это позволит выделить в идеологии как системе ряд элементов, функционально связанных между собой, и использовать различные конфигурации этих элементов для уточнения связи: идеология – социальный хронотоп – тип общества.

В корпусе предметно ориентированных работ названных авторов проблематизируется необходимость построения интегративной идеологии, а также высказываются опасения, связанные с эпистемологизацией социальной реальности и ключевых понятий социальной философии. В более широком контексте исследователей интересует проблема фундаментирования моделей идеологии теми или иными социально-онтологическими допущениями.

Таким образом, существует методологически оторефлексированная научным сообществом необходимость «сборки» теоретических узлов и предметно различающихся концепций вокруг одной четко сформулированной проблемы: какова онтологическая специфика идеологии как одной из форм, в которой общественное сознание существует и выражает себя, и какими методологическими средствами данная специфика может быть эксплицирована.

Так, Э.Лаклау полагает, что при обсуждении проблем современной теории идеологии мы сталкиваемся с парадоксом, смысл которого заключается, с одной стороны, в чрезвычайной интенсивности интереса к идеологии, с другой – в размытости границ и референциальной идентичности идеологического. Причина этого в исчерпанности двух классических подходов к аналитике идеологической проблематики. При первом подходе идеология мыслится на уровне социальной тотальности, при втором она отождествляется с ложным сознанием.

По мнению автора, оба подхода исчерпали свою методологическую продуктивность, поскольку основаны на эссенциалистской (целостной) концепции общества и социальной деятельности. «Вопреки этому эссенциалистскому представлению, ныне мы склонны признавать бесконечность социального; ...общество как единый и постижимый объект, на котором основаны его частные процессы, невозможно», – пишет Э.Лаклау. Социальное, однако, это не только бесконечная игра различий, но и попытка ограничить эту игру, зафиксировать некий социальный порядок, который «...больше не принимает форму основополагающей сущности социального, скорее это попытка ... охватить социальное, установить гегемонию над ним» [6, с. 55].

Новое видение соотношения тотального и социального позволяет сделать вывод, согласно которому социальное всегда выходит за рамки попыток конституировать общество, но при этом тотальность нигде не исчезает и установление узловых точек социального возможно. При этом только необходимо помнить, что «...каждая общественная формация обладает своими собственными формами детерминации и относительной автономией, которые всегда устанавливаются в ходе сложного процесса сверхдетерминации и не могут учреждаться а priori» [6, с. 56].

Трактовка же идеологии как ложного сознания имеет смысл при единственном условии, что можно зафиксировать идентичность социального субъекта. «Только основываясь на знании о его истинной идентичности, мы можем утверждать, что сознание субъекта ложно», – пишет Э. Лаклау [6, с. 56]. Здесь мы сталкиваемся с противоречиями, присущими феномену субъективности в его идеологической проекции, а

именно, с разрывом между «действительным сознанием» и «приписанным сознанием», с разрывом, который становится все более глубоким. Другими словами, мы имеем дело с неким субъективным «остатком», не выводимым из жестких и принудительных идеологических установок. Кроме того, это свидетельство определенной закрытости сознания, что в онтологическом смысле фиксирует специфический тип взаимоотношения субъекта с реальностью, в котором собственные порождения сознания могут доминировать над объективностью.

Осознание этого противоречия нашло свое отражение, в частности, в концепции «семантической герильи», предложенной в 70-е годы XX века основоположником «культурных исследований» С.Холлом. Суть данной концепции, в интерпретации Е. Дьяковой, состоит в том, что семантическая герилья осуществляется в процессе декодирования посланий путем переосмысления преференциальных смыслов гегемонистских культурных кодов, заложенных в послание представителями господствующей идеологии. Эта процедура оказывается возможной в силу того, что не существует неизбежной зависимости между кодированием и декодированием: можно попытаться навязать с помощью идеологии свои предпочтения, но никто не в состоянии предписать или гарантировать, что эти предпочтения будут с неизбежностью восприняты и станут руководством к действию. Между кодированием и декодированием регулярно возникает разрыв, который объясняется не столько особенностями субъективного восприятия агентов, сколько тем положением, которое они занимают в социальной иерархии. Ситуация разрыва «... производит денатурализацию идеологии, разоблачает ее претензии на общезначимость» [5, с. 65].

Таким образом, редукционистская логика марксистского прочтения идеологии как ложного сознания лишается своего теоретического основания, поскольку социальный субъект – носитель этого сознания, по существу, является в современном обществе децентрированным, а его идентичность и гомогенность подвергаются сомнению как иллюзорные.

Однако ситуация, в которой две концептуальные структуры, традиционно придававшие смысл теории идеологии (социальная тотальность и «ложное сознание»), подвергаются критике и переосмыслению, не означает исчезновения самой концепции идеологии. В современном исследовательском процессе есть осознание того, что должны быть осознаны и сформулированы новые векторы этого переосмысления.

Становится очевидным, что, как бы ни была важна проблематика субъективного преломления идеологии, скрытого в глубинах индивидуального и массового сознания, более актуальным для исследования оказывается вопрос об объективных свойствах процесса интенсивного и

направленного изменения социальной системы под воздействием идеологии.

В качестве примера сошлемся на предлагаемую В.Г.Федотовой методологию сценариев, позволяющую рассматривать идеологию как способ онтологизирования социальной реальности посредством интерпретации возможных вариантов развития общества, сформулированных в рамках той или иной идеологии.

Автор выделяет образы-сценарии как своего рода видение социальной реальности, способное воплотиться в проект, сценарии-тренды как выявление объективных тенденций возможного будущего, сценарии-проекты, в которых это будущее предлагается конструировать, и, наконец, сценарии-идеологии, в которых конструирование начинается с выдвижения привлекательных идей [10, с. 393]. Сценарная методология исходит из того, что типы сценариев могут комбинироваться, что указывает на признание многовариантности социального развития и ориентацию на конструирование будущего. В практическом плане для конструктивных задач важны все типы сценариев, чтобы ответить на вопросы: чего мы хотим? возможно ли это объективно? какой проект для этого предлагается? какая идеология может мобилизовать субъектов на решение поставленных задач?

Методологические возможности сценариев-идеологий заключаются, по мнению В.Г.Федотовой, в том, что они «... выдвигают обоснованную или имеющую основание идею, схему, которая может консолидировать сторонников и быть доведена до проекта. Сценарии-идеологии играют мобилизующую роль, кроме того, они являются средством критики сценариев другого типа и оппонирующих сценариев-идеологий» [10, с. 394].

В обозначенном ракурсе идеология может рассматриваться как система, как сложный социальный комплекс, внутри которого вырабатываются собственная экономика, стиль жизни, система образования, культура и искусство, особый тип внутренней и внешней политики, методы пропаганды, характерные конфигурации сознания, специфическое мироощущение и соответствующий ему характер межсоциальных отношений, которые постоянно воспроизводятся в текстах, структурах, социальных действиях, ритмах, мифах, стереотипах и предрасположенностях.

Таким образом, в онтологическом аспекте анализ идеологии имеет дело с устойчивыми и, одновременно, лабильными структурами сознания и социальности. Но в этом случае возникает еще одна проблема методологического свойства, а именно, как работать не просто с эле-

ментами сложного идеологического комплекса, но и эксплицировать скрытые механизмы их целостного взаимодействия и динамики.

Интересные наработки, которые могут оказаться продуктивными при рассмотрении идеологии в онтологическом аспекте, демонстрирует современная методология истории, в частности французская Школа Анналов и ее представитель Ф. Бродель.

В истории, в том числе в истории сознания и идеологий, «... мы не должны мыслить исключительно категориями краткосрочной перспективы», – полагает Ф. Бродель. Особую ценность представляют «длительные хронологические единицы» [2, с. 134]. Историческая длительность как специфическая исследовательская установка позволяет фиксировать те особенности идеологии, которые консервируют структуры сознания, наделяют их инерцией, что, в конечном итоге, работает на воспроизводство целых пластов социальности и культуры.

Включение такой методологии в оборот исторического анализа идеологических процессов позволяет отказаться от линейных представлений об односторонности идейных воздействий во времени: из прошлого в будущее, от идеи к ее воплощению.

Методология исторической длительности характеризует не только устойчивость структур сознания и идеологии, но и замедленное функционирование рутинизированных материальных структур – экономики, производства, повседневности быта в его многообразных проявлениях. За внешней изменчивостью, которой обладают структуры сознания, подключенные к идеологии, стоит инерционная способность перемалывать любые инновации, возвращаться к архаическим ритмам, воспроизводить целые пласты культуры. При этом архаика сознания способна воспроизводить себя в самых причудливых, в том числе ультрасовременных, формах.

Сама структура сознания предстает как нечто, внутри себя организованное. Логика сознания такова, что в его устойчивых схемах залегают фундаментальные установки, воспроизводимые на уровне фразеологии и готовых формул, что выражает ориентацию субъекта в мире, тип отношения к действительности, предрасположенность к тому или иному способу взаимодействия с ней.

В качестве доминирующей структуры идеологического сознания выделяется мифологизм, характерный не только исключительно для традиционных обществ, но встречающийся в современности и воспроизводящий сверхустойчивые, многовековые стереотипы социальности, архаическую стилистику в правовом сознании, естествознании, искусстве. В своей принципиальной замкнутости идеологический миф претендует на универсальность и на право окончательной интерпретации

социальных событий. Наука, по своему генезису и сущности предназначенная для преодоления мифологизма, также заражена мифотворчеством. Особое место принадлежит мифу в сфере социального знания.

Вообще отношения между идеологией и социальными науками сложны и неоднозначны. Как только идеология как система идей подвергается практизации и омасовлению, она меняет статус теории, доктрины, науки и превращается в догму, веру, аксиоматические убеждения.

Превращение социальной теории в идеологию означает понижение ее концептуальных возможностей, приводит к утрате критического и рефлексивного потенциала. В сфере социального знания этот эффект «опрощения» нарастает и сводит интеллектуальные возможности теории к прагматике социальной инженерии.

Спецификация семиотических механизмов идеологии является одним из достижений М. Бахтина, который трактовал идеологию в широком смысле, исходя из методологического потенциала семиотического подхода к культуре и социуму. Все идеологическое, по М. Бахтину, обладает значением: оно представляет, изображает, замещает нечто, находящееся вне его, то есть является знаком.

В мир идеологии может войти только то, что социально значимо, а идеологический знак определяется социальным кругозором данной эпохи и данной социальной группы. В каждом идеологическом знаке скрещиваются разнонаправленные акценты, что создает возможность различной трансформации его значений с позиции разных социальных групп. М. Бахтин вводит понятие идеологической среды, идеологического кругозора, ценностного центра эпохи, к которому сходятся все пути и устремления идеологической деятельности и идеологического творчества.

Различные формы идеологической деятельности понимаются им как знаковые по своей природе, а все продукты идеологического (духовного) творчества – искусство, религия, наука – как материальные вещи особого рода, поскольку им присущи значение, смысл, внутренняя ценность. Анализ каждого из этих видов идеологической деятельности не может быть вырван из общего социокультурного контекста.

М. Бахтину принадлежит мысль о создании системы наук, объединенных общим предметом – идеологией. Среди наук об идеологии (психология, литературоведение, языкознание) исключительное значение принадлежит последнему. Выделяя науку о языке, М. Бахтин подчеркивал, что в ее предмет входит «жизненная идеология», не охваченная другими науками, и, помимо собственной важности, языкознание является средой формирования специальных идеологий: морали, права, ис-

кусства, науки. В этом ракурсе неизбежным представляется пересечение познавательных полей различных областей гуманитарного знания и инонаучных систем, включающих в себя литературу, искусство, критику, то есть те сферы, которые выходят за пределы науки. Идеологический дискурс по своей природе полисемичен, поскольку в нем выражен конфликт с другими ценностями, в него включены голоса оппонентов и критиков, что требует пристального внимания к идеологии как процедуре экспликации социальных голосов, погруженных в пласты «чужой речи», «другости», в терминологии М. Бахтина [см.: 1].

Таким образом, в идеологии как целостной системе идей действует своя иерархия ценностей, ключевых обобщений, объяснить которые с позиций формально-логических не представляется возможным. М. Бахтин стоит в данном вопросе на позиции понимания, разрабатывая герменевтическую методологию и распространяя ее не только на умолкшие культурные пласты, мифы и тексты, но и на то, что актуально в повседневности, в политическом дискурсе и что воспроизводит социальное во всей его полноте и культурном многообразии.

Всякая идеология как система предстает как звено в цепи развития человеческой истории, истории мысли и культуры. Статус универсального и целостного освоения действительности и воспроизводства ее структуры принадлежит не идеологии, а целому культуры вне избирательной сосредоточенности на каких-либо частных вариантах ее проявления.

Многообразные определения культуры сводятся к пониманию ее как социальной практики, специфического способа человеческой деятельности в регуляции, сохранении, воспроизводстве и развитии общества. Культура – это своеобразный генотип общества, специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и духовных ценностей, в отношениях человека к природе, другим людям, к самому себе.

Новый информационный порядок создает принципиально новые формы культурной идентичности, то есть самоопределения личности в системе культуры. В «мозаичной» информационной культуре присутствует широкий спектр возможных ценностных ориентаций и стилей жизни, поскольку основанием этой культуры становится выбор конкретной модели информационного обмена.

Восприятие социальной реальности с точки зрения глобального информационного контекста оказывается лишенным политической, религиозной, национальной, культурной специфики, что становится домини-

нирующим вариантом бытия человека в современном информационном пространстве.

Проиллюстрировать это положение позволяет выстраивание новой конфигурации власти под воздействием идеологических тенденций информационного общества.

Власть – ключевое понятие современного языка социогуманитарных наук и философии, которые обращены к корпусу текстов Ф. Ницше, П. Бурдьё, М. Фуко, Э. Гидденса с целью найти в них программно-методологические установки исследования этого феномена, изменившего как свои привычные способы локализации, так и известные стратегии его обнаружения и узнавания.

В иррационалистической парадигме Ф. Ницше метафизика власти была центрирована субъектом. Сегодня фиксируется не власть субъекта, а власть над субъектами: она первична, имперсональна, дисперсна и всеохватна – от языка до политики, экономики, науки, моды. Бессубъектному видению власти способствует применение к обществу и человеку результатов новых знаний, выработанных в рамках теории систем, теории информации, теории программирования, способствующих технико-технологическому обоснованию человека как управляемого продукта системы.

Согласно Э. Гидденсу, в целом, переход к современному обществу означает возникновение доверия к абстрактным системам, то есть к символическим знакам и экспертным оценкам. Контексты предшествующего социума, задаваемые локальными сообществами, родственными отношениями, религиозными традициями, утратили свою связующую силу. Реальную власть над субъектами получили бессубъектные объективные структуры: материальные, ментальные, предметно-вещные, социально-организационные, информационные.

С точки зрения П. Бурдьё, власть – это своего рода круг, центр которого находится повсюду и нигде. Власть – габитус, то есть бытийно универсальная, функциональная, конкретная сила, имманентная социокультурному телу общества, запрограммированная и сама программирующая разного рода практики принуждающего воздействия [см.: 3].

В контексте имеющихся тенденций развития передовых в промышленном отношении стран информационное общество можно определить как такое общество, в котором информация и уровень ее использования существенным образом влияют на качество жизни, а также на перспективы экономического, культурного, научного развития, социальных изменений в целом. На категориальном уровне информационное общество предстает как интегральное понятие, охватывающее все стороны функционирования социальной системы.

Основные характеристики этого общества: в технической сфере – широкое внедрение информационных технологий по всему спектру производственной, экономической, деловой жизни, системы образования и повседневного существования. В социальной сфере – информация становится важным фактором изменения качества жизни, под его влиянием формируется новое информационное сознание. В экономической сфере – информация превращается в основной ресурс товаров и услуг, становится источником добавленной стоимости и расширения занятости населения. В политической сфере – свобода доступа к информации реализуется в проектах «электронной демократии», «электронного парламента», «электронного правительства».

Возникают закономерные вопросы: что представляют собой новые информационные формы социального бытия, бытия в информационной культуре? Как новый информационный порядок отражается на формировании идеологических приоритетов?

По утверждению ряда современных исследователей, в основании идеологии информационного общества лежат проекты новой версии либерализма, глобализма и постмодернизма. Становление информационного общества совпало с переходом от современности к постсовременности как типу социокультурной реальности, требующему своей мировоззренческой и идеологической легитимизации и воспроизводства основных параметров.

Информационное общество по своим идеологическим интенциям – это общество либеральное, развивающееся в пространстве глобализационных процессов. К идеологическим маркерам информационного общества в либеральном контексте в отечественной и зарубежной литературе относят следующие тенденции:

1. Расширение сферы действия рыночных критериев, включая в эту сферу информационные аспекты жизни общества.

2. Возникновение информационного неравенства, которое, накладываясь на традиционное неравенство, углубляет социальную дифференциацию.

3. Господство корпоративного капитализма как способа производства. Центральная роль в мировой экономике огромных корпораций.

4. Интенсификация процессов глобализации [цит. по: 9, с. 130].

Известный американский социолог И. Валлерстайн, квалифицируя либерализм как идеологию, определяет ее как «...всеобъемлющую долгосрочную политическую программу, направленную на мобилизацию большого числа людей» [4, с. 95]. Для него либерализм есть истинная и господствующая идеология западного общества, капиталистической микроэкономики на протяжении XIX–XX веков.

Эта идеология, начиная с Французской революции 1789 года, стала новым мировоззрением, называемым современностью и знаменующим апофеоз ньютоновской науки, разума, класса, партии, силы, концепции прогресса через производство.

Конечно, окончательные определения прогресса, разума и т.п. про-рабатывались в рамках идеологии в течение длительного исторического периода на уровне предельных теоретических идеализаций, но онтологически грядущее общество мыслилось как результат конкретной человеческой деятельности. Теоретические идеализации будущего общества (новый тип человека, социальности) трансформировались в предельные регулятивные принципы, функционированию которых в социальной реальности открывают дорогу революционные преобразования. Идеология либерализма давала определенные представления о том, что есть мир и общество, как они устроены и каким образом в них можно что-либо изменить, а это можно расценивать как интенции онтологического порядка.

Современность как новая социальная реальность и как мировоззрение требовала утверждения, легитимизации в области экономики, политики, культуры, и идеология либерализма оказалась одним из способов такого утверждения, наряду с общественными науками и антисистемными движениями. И. Валлерстайн утверждает, что в западноевропейском миропонимании «... сложились три типа отношения к современности и нормализации изменений: насколько возможного ограничения опасности; достижения счастья человечества наиболее разумным образом; или ускорения развития прогресса за счет жестокой борьбы с теми силами, которые ему всячески противостояли. Для обозначения этих трех типов отношений в период 1815–1848 гг. вошли в употребление термины консерватизм, либерализм, социализм» [4, с.79].

В предлагаемой статье не ставится задача детального анализа сходства и различий консерватизма, либерализма и социализма, а также разного рода теоретических и стратегических альянсов между этими идеологиями, которые возникали и распадались на протяжении последних двух веков. Следует лишь отметить, что уникальность идеологии либерализма заключена в том, что ее идеи, мыслительные ходы неоднократно рекомбинировались, представляли в истории в модифицированной, осовремененной форме.

Отталкиваясь от тезиса И. Валлерстайна о том, что существовала лишь одна истинная идеология – либерализм, которая проявлялась в трех основных обликах, важно показать, как в рамках этой идеологии поддерживались и воспроизводились несущие конструкции социальной реальности под названием «современность».

В качестве примера показательны отношения идеологии либерализма и государства. Аксиомой либерализма оказывается явное предпочтение обществу и настороженное отношение к государству, как социальному институту, пытающемуся регулировать экономику, устанавливая ограничения личностных прав и свобод.

Попытка примирить общество и государство, которую И. Валлерстайн называет «величайшей интеллектуальной антиномией современности», на практике оказывается иллюзией, стратегическим маневром либеральной идеологии.

Несмотря на антигосударственную риторику, идеология либерализма как политическая программа и политическая стратегия всегда стремилась к усилению государства. Каждое из трех течений нуждалось в услугах государства для пропаганды своих собственных программ. Однако дело не сводилось только к политической прагматике. Государство укрепляло свои позиции по отношению к обществу, воспроизводя свои основные параметры, опираясь на либеральную идеологию в трех ее вариантах.

Консерваторы демонстрировали свою готовность к упрочению государственных структур, сдерживая преобразования. Либералы, как защитники прав и свобод личности, вынуждены были требовать всеобщего избирательного права, что являлось и является до сих пор единственной гарантией сохранения демократического государства. Социалисты всегда стремились к усилению роли государства на кратковременный период революционных преобразований.

Время классической либеральной идеологии уходит в прошлое. Нынешний всемирный переходный период к обновленным формам отношений между государством, политикой, властью, обусловленный в том числе воздействием информационно-коммуникационных технологий, требует диверсификации идеологии, которая бы выполняла функции воспроизводства параметров информационного общества.

Констатируя кризис либеральной идеологии, И. Валлерстайн предполагает, что «... у героя либерализма, индивидуума не будет возможности сыграть значительную роль среди распадающихся структур», что существование либеральной идеологии находится под вопросом, поскольку «... мы стоим перед перспективой дезинтеграции в противоположность нормальному прогрессивному изменению» [4, с. 228].

В духовной сфере становящегося информационного общества отмечены процессы ремифологизации, то есть оживление мифа как своеобразной практики неoarхаического творчества, связанного с созданием альтернативных миров при помощи Интернета. Альтернативный мир, как результат мифологического опыта конструирования времени, про-

странства, идентичности, создает возможность для современного индивида принимать участие в формировании, несомненно, утопического пространства альтернативной социальности, но тем не менее имеющего онтологический статус.

Примером может служить широко распространенный миф о величии электричества и Интернет [см.: 8]. Появление электричества было воспринято не просто как техническое средство, стихия, прирученная человеком, но как активное, действующее начало, способное преодолеть пространство и время, превратить атомизированное, иерархическое общество в сообщество равных субъектов, связанных не выгодой, а общими интересами и возможностями электронной коммуникации. Онтологические притязания этого мифа ярко выражены, в частности, в понятиях глобальной электронной общины, всемирной компьютерной деревни известного утопического проекта, предложенного М. Маклюэном.

Постмодернистская идеология фиксирует, по преимуществу, внимание на таких характеристиках постсовременности, как перманентная неустойчивость и нестабильность. Идеологическими метками информационного общества в постмодернистской парадигме оказываются следующие тенденции и процессы:

1. Релятивизация знания и смыслов, эклектичность культуры и самой жизни.

2. Возрастающее количество знаков и возрастающая сложность в установлении смысла знаков.

3. Действие критериев перформативности и товарности в сфере знаний и информации.

4. Трансформация категорий пространства и времени под влиянием информационных технологий. Формирование пространства потоков и вневременного времени.

5. Господство сетевых форм организации и деятельности. Разрушение привычных иерархий. Повышение роли вопросов идентичности в «сетевом мире».

6. Расширение масштабов манипуляции информацией («управление восприятием») и кризис сферы публичной информации.

7. Успехи рефлексивной модернизации: расширение пространства выбора и рост рефлексивности, обусловленный им [см.: 9].

Таким образом, развитие информационных технологий обогатило общественное бытие новыми классами материальных и духовных сущностей, меняющих категориальную природу мышления, жизненно-смысловые ценности, познавательные установки и способности человека. Общество переходит в качественно новое состояние, фиксирующее изменение характера производственной деятельности в сторону ее ин-

теллектуализации, появление новых форм взаимодействия социальных и политических сил.

Новая информационная среда формирует определенные мировоззренческие и идеологические приоритеты, в соответствии с которыми изменяются и воспроизводятся социальные характеристики информационного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М. М.* Литературно-критические статьи. М., 1986.
2. *Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // *Философия и методология истории.* М., 1977.
3. *Бурдьё П.* О символической власти // *Бурдьё П.* Социология социального пространства. М.; СПб., 2005.
4. *Валлерстайн Иммануэль.* После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003.
5. *Дьякова Е.Г.* Рунет как пространство «семантической герильи» // *Интернет и современное общество: Труды VIII Всероссийской объединенной конференции.* Санкт-Петербург, 8–11 ноября 2005 г. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005.
6. *Лаклау Э.* Невозможность общества. // *Логос.* 2003. № 4–5.
7. *Логинов А.В.* Идеология как предмет социально-гуманитарных дисциплин // *Гуманитаризация обществознания: Сборник научных статей.* Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С.118–136.
8. *Трахтенберг А.Д.* Миф о величии электричества и Интернет: функции утопического пространства в информационной революции // *Интернет и современное общество: Труды IX Всероссийской объединенной конференции.* Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2006 г. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006.
9. *Федоренко И.Н.* «Информационное общество»: теория, идеология и государственная политика в России // *Интернет и современное общество: Труды IX Всероссийской объединенной конференции.* Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2006 г. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006.
10. *Федотова В.Г.* Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005.